

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ КРИЧЕВСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА МИТРОПОЛИТОВ КИЕВСКИХ И ВСЕЯ РУСИ В XV в.

Наместничества митрополитов Киевских и всея Руси – Киевское, Владимирское, Галицкое и Новогрудское – являлись центрами, в которых в разное время находились митрополичьи кафедры, а после их переноса (юридического или фактического) или ликвидации митрополиты могли заявить свое право на собственность – храмы, жилые строения для клира и земли, пожалованные этим кафедрам. В XV в. появляются наместничества, возникновение которых не было связано с перемещением кафедры в другой город или выделением из состава митрополии Киевской и всея Руси по политическим мотивам территорий для создания на них отдельных митрополий по желанию правящих властей Великого княжества Литовского. Например, в 1437 г. митрополит Исидор, собирая средства для поездки на Ферраро-Флорентийский собор, воспользовался тем, что Псков тяготился церковной зависимостью от Великого Новгорода, и посадил в нем своего наместника архимандрита Геласия, которому были даны «суд и печать, и воды, и земли, и оброк владычень, и вся пошлыны владычня»¹, то есть в данном случае целью создания наместничества в Пскове было получение доходов в митрополичью казну.

О времени и причинах создания митрополичьего наместничества в городе Кричеве данных не сохранилось. Упоминания источников о его существовании относятся к 50-м годам XV в. В этой статье мы хотели бы охарактеризовать некоторые обстоятельства и лиц, способствовавших его появлению или упоминающихся в связи с деятельностью кричевского митрополичьего наместника.

Кричев – один из старинных городов Беларуси². Его история насчитывает почти десять веков. Согласно археологическим данным, первые поселения на месте современного города появились уже в X–XI в. [Мяцельскі, 2003, с. 103]. Ранний период истории Кричева не отразился в письменных источниках. Некоторые исследователи отождествляли Кричев с волостью Кречут³, упомянутой в уставной жалованной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и смоленскому епископу⁴, но, по мнению А. А. Мяцельского, для этого нет достаточных оснований [Мяцельскі, 2003, с. 103]. В первой половине XII в. Кричев входил в состав Смоленского княжества, а в последней четверти XII в. оказался в составе удельного княжества Мстиславского [Леонтович, с. 145; Дворниченко, с. 81–82]. В XIII – первой половине XIV в. Мстиславль предположительно являлся частью домена великих князей смоленских [Мяцельскі, 2010, с. 117]. Во второй половине XIV в. земли княжества были захвачены Ольгердом Гедиминовичем⁵, потомки которого владели ими до начала XVI в. Впервые топоним Кричев встречается в «Списке русских городов дальних и ближних», составленном в конце XIV – начале XV в.⁶

¹ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 44; М., 1955. Вып. 2. С. 46.

² В настоящее время г. Кричев является административным центром Кричевского района Могилевской области Беларуси.

³ Впервые это предположение было высказано И. Д. Беляевым [Беляев, 1852, с. 179]. В дальнейшем отождествление Кречута с Кричевым не оспаривалось исследователями (см., например: [Довнар-Запольский, с. 35; Голубовский, с. 79–80, примеч. 2; Алексеев, 1979, с. 108; 1980, с. 47, 51, 63; Седов, с. 252]).

⁴ Грамота неоднократно издавалась, основные публикации и датировки: Дополнения к актам историческим. СПб., 1846. Т. 1. № 4.1. С. 5–7 (1150 г.); Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 39–42 (1150 г.); Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963. С. 75–78 (1150 г.); Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 141–145. (XII в.). См. также исследования А. Поппе: [Porre A., s. 551–552; Porre A., Porre D., s. 4 (1136 г.)].

⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Стб. 68.

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее – НПЛ). С. 475–477; Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 95.

Археологические исследования выявили три основные части древнего Кричева, где поселения существовали уже в XII–XIII в. — городища Городец, Замковая гора и Спасская гора, получившая свое название по посвящению престола возведенного на ней храма. Известие о строительстве в Кричеве церкви Св. Спаса в 40-х годах XV в. сохранилось в привилее польского короля Стефана от 6 февраля 1587 г., выданном священнику этой церкви Роману Стратоновичу, на право владения домом при церкви, огородами и землей в Кричеве, а также участком земли Левковщина в селе Лихеевичах⁷. Из содержания документа следует, что кричевская церковь Св. Спаса была заложена и получила земельный надел по указанию Киевского митрополита Исидора при покойных родственниках («продках») Романа Стратоновича, которые также были священниками этой церкви, о чем королю была представлена грамота митрополита («лист»). Это известие уникально, так как, во-первых, Спасская церковь — самый древний кричевский храм, известный по письменным источникам, во-вторых, это единственное упоминание о храме, построенном по благословию митрополита Исидора⁸.

По данным археологических исследований, первое поселение на Спасской горе возникло еще в железном веке. Посад на этой территории появился во второй половине XII — начале XIII в., а с XIV в. стал интенсивно развиваться. По мнению А. А. Мяцельского, Кричев постепенно заселялся на протяжении XII–XV в., но и в конце XV в. его площадь не превышала 5–6 га, а население 400–600 человек [Мяцельскі, 2003, с. 40, 54–55].

В настоящее время не выявлены данные о существовании земельных владений митрополитов Киевских и всея Руси в Кричеве ранее 40-х годов XV в. Митрополит Киприан в послании Сергию Радонежскому не называет Кричев в числе мест, которые он «оправил есмь приложити к митрополии всея Руси»⁹. Супрасльская летопись сообщает о приезде митрополита Фотия в 1421 г. в Мстиславль к князю Лугвению Ольгердовичу, во владении которого был Кричев, не приводя подробностей этого визита¹⁰. В привилее Роману Стратоновичу грамота («лист») митрополита Исидора лишь упомянута, и остается неизвестным, кем и на каких условиях состоялось пожалование средств на строительство и земли на содержание церкви Св. Спаса и были в этот период в Кричеве наместник митрополита Исидора, или Кричев стал наместничеством уже при митрополите Ионе. Мы можем лишь предположить, что появление наместника в Кричеве могло быть связано с пожалованием земли и строительством церкви, а его резиденция могла находиться здесь же, рядом с храмом Св. Спаса на высоком берегу р. Сожи. В любом случае, как для подтверждения прав на уже имевшиеся владения кафедры, если таковые существовали до 40-х годов XV в., так и для получения нового земельного пожалования необходимо было согласие держателя удела.

Мстиславское княжество после завоевания его литовцами управлялось наместниками, например, в 1386 г. наместником был брат великого князя литовского Ягайлы — Карига́йло Ольгердович († 1390)¹¹, а вскоре после его смерти княжество стало уделом его брата князя Лугвения

⁷ РГАДА. Ф. 389 (Литовская Метрика). Оп. 1. Кн. 72. Л. 15–16. Впервые источник введен в научный оборот А. А. Мяцельским [Мяцельскі, 2003, с. 49; 2010, с. 390].

⁸ По мнению исследователей, в Кричеве на Замковой горе должна была находиться более ранняя, чем Спасская, церковь Св. Николая, но письменных или археологических данных о ней не сохранилось [Мяцельскі, 2003, с. 48–49].

⁹ РИБ. СПб., 1880. Т. VI. № 20. Стб. 181–183.

¹⁰ ПСРЛ. М., 1980. Т. XXXV. С. 56.

¹¹ ПСРЛ. Л., 1925. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 343; М., 2004. Т. XLIII. С. 143. А. А. Мяцельский, учитывая данные фондушной записи об основании церкви Рождества Богородицы в Куренце, предположил, что ранее мстиславским наместником мог быть Василий Михайлович Наримунт, названный в записи «паном мстиславским» [Мяцельскі, 2010, с. 124–125]. Фондушная запись опубликована: Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Вильна, 1880. Т. XI. С. 42.

Ольгердовича (в православном крещении Семена)¹². Князь Лугвений — один из сыновей великого князя литовского Ольгерда — мог претендовать на великое княжение, но по каким-то причинам не стал этого делать¹³. Первым браком он был женат на дочери Дмитрия Донского Марии, от которой имел сына Юрия. Этот брак обусловил связи отца и сына с московским правящим домом. После кончины Лугвения в 1431 г. Кричев в составе Мстиславского княжества должны были унаследовать его сыновья Юрий и Ярослав¹⁴. Как и отец, они стали крупными военачальниками и государственными деятелями Великого княжества Литовского [Мяцельскі, 2010, с. 128—132], бурные события в истории которого в конце XIV — первой половине XV в. привели к тому, что значительную часть времени отец и сыновья провели вдали от своего удела¹⁵.

Наш интерес к биографии князя Юрия Лугвеневи́ча вызван тем, что именно во время его княжения в Кричеве там была построена церковь Св. Спаса по благословению митрополита Исидора. Для того чтобы установить возможное время и характер контактов митрополита Исидора с князем Юрием, следует рассмотреть основную хронологию событий его жизни в 30-е — начале 40-х годов XV в.

В 1432 г. великий князь литовский Свидригайло направил Юрия Лугвеневи́ча служилым князем в Великий Новгород¹⁶, куда последний прибыл осенью¹⁷. Вскоре ему пришлось спешно вернуться в Литву, так как началась война между князьями Сигизмундом и Свидригайло за великое княжение Литовское, в которой братья Лугвеневи́чи участвовали на стороне последнего. В битве при Ошмянах 8 декабря 1432 г. Юрий Лугвеневи́ч попал в плен¹⁸ и был посажен в заключение в малом Трокском замке¹⁹, бежал, в 1435 г. участвовал в битве под Вилькомиром на р. Святой. В этом сражении Свидригайло потерпел сокрушительное поражение, но избежал плена с небольшой группой своих соратников, среди которых был и Юрий²⁰.

3 марта 1438 г., по сообщению Новгородской первой летописи, Юрий снова прибыл княжить в Великий Новгород²¹. Нет достоверных данных о том, от какого князя на этот раз —

¹² По предположению некоторых исследователей, Лугвений получил Мстиславский удел в качестве компенсации за утрату положения служилого князя в Великом Новгороде [Halecki, s. 145; Krupka, s. 42—43]. М. А. Ткачев высказал предположение о том, что Лугвению Ольгердовичу Мстиславское княжество было пожаловано не позднее 25 марта 1389 г., так как в присяжной грамоте Ольгерду Ягайловичу, данной Лугвением в связи с направлением его служилым князем в Великий Новгород, датированной этим числом, последний благодарит Ягайло за пожалование его Мстиславским княжеством [Алексеев, 2006, с. 214; Мяцельскі, 2010, с. 127]. Однако в указанной грамоте нет никаких упоминаний об этом пожаловании, а Лугвений Ольгердович называет себя «князь Семен иным именем Лыгвени». Причиной такого истолкования присяжной мог послужить заголовок, составленный при ее публикации, где Лугвений назван мстиславским князем (РНБ. Ф. 293. № 1. Л. 1. Оpubл.: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АЗР). СПб., 1846. Т. I. С. 26. № 10).

¹³ С. В. Полехов полагает, что князь Лугвений Ольгердович не стал добиваться великого княжения, исполняя волю своего отца Ольгерда, завещавшего великое княжение Литовское Свидригайло [Полехов, с. 107, прим. 8].

¹⁴ По мнению С. В. Полехова, это не произошло, так как князь Свидригайло Ольгердович в письмах к магистру Ливонского ордена называет Мстиславль и Кричев своими замками [Полехов, с. 112]. Можно предположить, что именно желание вернуть себе отцовский удел привело князя Юрия ко двору нового великого князя литовского Казимира IV. По мнению А. А. Мяцельского, сперва уделом владел только князь Юрий Лугвеневи́ч, а после его отъезда в 1433 г. в Новгород в Мстиславле стал княжить его брат Ярослав [Мяцельскі, 2010, с. 129, 131].

¹⁵ В частности, деятельность Лугвения Ольгердовича и Юрия Лугвеневи́ча была связана с Великим Новгородом, входившим в орбиту интересов Литвы. В 1389—1392 и 1411—1412 г. там княжил Лугвений (НПЛ. С. 383, 385, 400, 403), а его сын Юрий в 1432, 1438, 1445—1447 г. (НПЛ. С. 416, 419, 424; [Варонін, с. 31; Мяцельскі, 2010, с. 133]) и, возможно, в 1458 г., как полагает В. А. Воронин [Варонін, с. 44—46]. О том, что новгородцы дали в 1458 г. пригороды в кормление князю Юрию Семеновичу, сообщает Летопись Авраамки под 6967 г. В литературе имеются разные мнения о том, к какому роду принадлежал этот князь. Кроме Юрия Мстиславского называют также Юриев Гольшанского и Острожского. Об этой полемике см.: [Варонін, с. 45; Полехов, с. 111].

¹⁶ Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch. Bd. 8. Riga; Moskau, 1884. №. 596. P. 352—353.

¹⁷ НПЛ. С. 416.

¹⁸ ПСРЛ. Т. XXXV. С. 57.

¹⁹ ПСРЛ. М., 1975. Т. XXXII. С. 155.

²⁰ В битве под Вилькомиром погиб брат Юрия Ярослав (ПСРЛ. Т. XXXV. С. 58).

²¹ НПЛ. С. 419.

от Сигизмунда или Свидригайло — Юрий был направлен в Новгород²². После гибели великого князя Сигизмунда Кейстутовича князь Юрий вернулся в Литву и получил от нового великого князя Казимира вотчины отца — Мстиславль, Кричев и «иных градов и волостей не мало», но «възгордився» и взял под свое управление еще Смоленск, Полоцк и Витебск²³, чем вызвал гнев великого князя, точнее, верхушки литовской шляхты во главе с Иоанном Гаштольдом, посадившей на великое княжение Казимира. Осенью 1440 г. князь Юрий Лугвеневи́ч, по словам летописца, «убоявся, видя свою дерзость», и сбежал в Москву²⁴.

Когда же могла произойти встреча князя Юрия с митрополитом Исидором, на которой было принято решение о строительстве храма Св. Спаса в Кричеве? Казимир IV Ягеллончик выехал из Польши в Литву в мае 1440 г. [Gyrski, s. 11; Гудавичюс, с. 295–296]. Возведение его на великое княжение Литовское, состоявшееся 29 июня 1440 г., было тайно подготовлено частью литовской знати, так как этому могли помешать сторонники государственной унии с Польшей, согласившиеся отпустить Казимира в Литву только в качестве наместника польского короля. Следовательно, произошедшее было неожиданностью для лиц, непричастных к узкому кругу заговорщиков, но заинтересованных в установлении отношений с новым великим князем литовским. К таким лицам относились митрополит Исидор и князь Юрий Лугвеневи́ч. Не исключено также, что Юрий отправился в Литву сразу после убийства Сигизмунда, чтобы при случае занять достойное место в процессе неизбежных изменений во властных структурах.

Известия о переменах в Литве, вероятно, довольно быстро достигали Новгорода, но все же князю Юрию должно было потребоваться время для того, чтобы вернуться из Новгорода и, установив или восстановив необходимые связи в окружении юного великого князя, получить отцовский удел. Таким образом, пожалование князя Юрия Лугвеневи́ча вотчинами предположительно состоялось не ранее середины — второй половины июля 1440 г.

Митрополит Исидор, возвращаясь с Ферраро-Флорентийского собора на Русь через Польшу, мог получить известие об избрании Казимира великим князем в начале июля на пути из Львова в Холм²⁵ и поспешить в Литву, где произошли столь важные события. В Вильно митрополит Исидор прибыл в середине августа 1440 г.²⁶ В период с середины августа до окончания осени 1440 г. должна была состояться его встреча с князем Юрием Лугвеневи́чем, способствовавшая получению участка для строительства храма Св. Спаса в Кричеве и земли в селе Лихеевичах, названных в упомянутом нами ранее привилее. С нашей точки зрения, встреча князя Юрия с митрополитом произошла в начале указанного периода. Об этом свидетельствуют обстоятельства заключения под стражу в Смоленске иеромонаха Симеона Суздальского [Дробленкова, с. 334–336; Абеленцева, с. 135–136], ездившего с митрополитом Исидором на Ферраро-Флорентийский собор и сбежавшего от него на Русь с тверским послом Фомой из Венеции. Князь Юрий Лугвеневи́ч по просьбе митрополита вызвал Симеона из Великого Новгорода²⁷ к себе в Смоленск, где его взяли под стражу «грекове митрополичи черньци»²⁸. На

²² Подробнее об этом см.: [Полехов, с. 108–109].

²³ НПЛ. С. 420.

²⁴ Там же. С. 420–421.

²⁵ Митрополит Исидор выехал из Львова 10 июня, 20 июля («в Ильин день») прибыл в Холм [Казакова, с. 71], где 27 июля им было написано послание к холмским старостам и воеводам в защиту прав попа Вавилы на сад, принадлежащий храму Св. Спаса (см.: Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1883. Ч. 1. Т. VI. № II. С. 4–7).

²⁶ Из Холма митрополит Исидор проследовал на северо-восток через ряд населенных мест, основные из которых — Волдава, Каменец, Волковыйск и Рудники, затем посетил Троки, откуда выехал 13 августа. Таким образом, в Вильно митрополит Исидор прибыл 14 или 15 августа, а часть его свиты уже 16 августа отправилась из Вильно на Русь [Казакова, с. 71].

²⁷ Можно предположить, что Симеон Суздальский, прибыв с Ферраро-Флорентийского собора в Великий Новгород к архиепископу Евфимию II, вызвал всеобщий интерес и был представлен князю Юрию.

²⁸ «В то же время прииде князь Юрьи Семенович Лугвеневи́ч и седе в Смоленьску в своей вотчине. И тому митрополиту пришедшу Исидору с сбора, и присла по мене князь Юрьи к Новугороду, и мне пошедшу к Смоленску, надеюшися, яко христианин есть...» [Новикова, с. 131–132].

то, чтобы послать за Симеоном в Новгород и дожидаться его приезда, тоже требовалось время. Вероятно, Симеон Суздальский прибыл в Смоленск и встретился с князем Юрием Лугвеневицем еще до первой осады города литовскими войсками, которая началась 14 ноября и длилась две с половиной недели²⁹, так как после первой осады князь Юрий покинул город.

После бегства Юрия Лугвеневица в Москву зимой 1440/1441 г. его удел перешел под управление великокняжеских наместников. Не позднее марта 1447 г. после примирения с великим князем Казимиром IV Юрий возвращает себе Мстиславский удел, но, как полагают исследователи, с утратой некоторых волостей³⁰.

Как было сказано ранее, князь Юрий Лугвеневиц по матери состоял в родстве с московскими великими князьями, в частности, являлся двоюродным братом великого князя московского Василия II Васильевича, что позволило князю Юрию после неудачной попытки завладения Смоленском укрыться в пределах Великого княжества Московского. О близких отношениях князя Юрия и его семьи с епископом Рязанским и Муромским Ионой — будущим митрополитом — свидетельствует утешительное послание последнего по случаю кончины супруги князя Юрия Софии, в котором митрополит писал, что покойная имела «добрый нрав и благое покорение к Богу и к церкви Божией»³¹.

В этом же послании митрополит называет сына князя Юрия Ивана своим духовным сыном, что, по мнению В. А. Воронина, предполагало частые визиты княжича Ивана в Москву на исповедь к своему духовнику [Варонін, с. 47]. В своих посланиях митрополит Иона, обращаясь как к духовенству, так и ко всем православным христианам митрополии, называет их своими детьми. Формы встречающихся обращений различны: «сынове»³², «о Святем Дусе сынове»³³. Выражения «духовный» сын³⁴ или «духовный ми чяды»³⁵ употреблено митрополитом Ионой только в отношении сына князя Юрия Лугвеневица Ивана и младших детей киевского князя Александра (Оленько) Владимировича³⁶. Невозможно установить, насколько полны летописные данные о визитах в Москву великокняжеских родственников. Если говорить об упомянутых нами племянниках великого князя московского Василия II, то Московский летописный свод конца XV в. единственный раз под 1451 г. сообщает о визите в Москву князя Семена Оленьковича³⁷.

Неустановленный митрополит упоминается в жалованной несудимой грамоте князя Юрия Лугвеневица Онуфриевскому монастырю³⁸. Как следует из содержания грамоты, этот общежитийный монастырь был основан князем Лугвеневицем Ольгердовичем. Произошло это предположительно в 1407 г. [Без-Корнилович, с. 184, примеч. 1; Зверинский, с. 120–121, № 1851; Варонін, с. 12]. При князе Юрии монастырь являлся архимандритией, но кто и когда

²⁹ ПСРЛ. Т. XXXV. С. 60; НПЛ. С. 420–421.

³⁰ М. К. Любавский полагал, что Кричевская волость была изъята из удела, но не привел данных, подтверждающих это предположение [Любавский, с. 14]. А. А. Мяцельский на основании сведений из 3-й книги записей Литовской Метрики предположил, что Кричев остался в составе Мстиславского княжества по крайней мере до кончины сына Юрия Лугвеневица Ивана († 1483), после чего вошел в состав Виленского воеводства, и туда был назначен наместник Андрей Кович (Андрейкович?) ([Мяцельскі, 2003, с. 106]; Литовская Метрика. Книга записей 3 (1440–1497). Вильнюс, 1998. С. 63).

³¹ Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века (далее — РФА). М., 2008. С. 219–222. № 64; [Абеленцева, Приложение, № 50, с. 430–434].

³² См., например: РФА. С. 178. № 43; С. 205. № 57. Митрополит Иона называет сыном и католика польского короля Казимира (см.: РФА. С. 211–213. № 61; РИБ. Т. VI. Стб. 565–567. № 68. II).

³³ См., например: РФА. С. 89. № 5; С. 167. № 38; С. 214. № 62.

³⁴ РФА. С. 222. № 64.

³⁵ РФА. С. 223. № 65: «и с вашими детками, с духовный ми чяды».

³⁶ Старший сын князя Оленько в послании назван «благочестивым и благородным князем Семеном», а его мать княгиня Анастасия «о Святем Дусе возлюбленной дчерию» (РФА. С. 223).

³⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 271: «Бысть князь Семен Оленькович на Москве у своее бабы великые княгини Софии и у великого князя Василья, у дяди своего».

³⁸ АЗР. Т. I. С. 57–58. № 43.

возвел онуфриевского игумена в этот сан — неизвестно. Идея учреждения архимандритии могла быть почерпнута князем Лугвением во время пребывания служилым князем в Великом Новгороде, где архимандритией являлся Юрьев монастырь, настоятель которого избирался на вече и обладал некоторыми правами в отношении монашества других монастырей [Янин, с. 136–149; Цапов, с. 157–163]. Учреждая архимандритию в Мстиславском княжестве, князь Лугвений Ольгердович, вероятно, рассчитывал таким образом повысить его статус в церковном отношении. Как и новгородский Юрьев монастырь, находящийся вне города, Онуфриевский монастырь был построен на некотором расстоянии от Мстиславля на берегу реки Натопы³⁹. Грамота князя Лугвения монастырю не сохранилась, и мы не знаем, какие именно пожалования она содержала, помимо земельных дач и доходов с них. Князь Юрий дополнительно дал монастырю села Колесниковское и Головчино. Подсудность архимандрита монастыря и его людей духовным и светским властям определяют следующие за земельными пожалованиями клаузулы грамоты, о возможных причинах появления которых мы хотели бы высказать некоторые предположения.

Согласно грамоте, наместникам, тиунам и другим должностным лицам князя Юрия запрещалось судить монастырских людей, устанавливалась их подсудность архимандриту в светских и духовных делах, перечисленных в Уставе Ярослава. Архимандрит также освобождался от подсудности мстиславскому епископу, а монастырские люди от подсудности в духовных делах десятникам и городским епископа. В духовных делах архимандрита судил сам князь, но в присутствии владыки: «А владыка который коли будет епископию Мстиславскую держать, ино тому владыце того архимандрита Онофрейского не судить, а ни рядить: коли кому будет до него которое дело, ино нам самым того архимандрита Онофрейского судить. А будет владыце до него дело духовное, ино нам самым же со владыкою того архимандрита досмотреть». Митрополиту также запрещалось судить архимандрита Онуфриевского монастыря и требовать у монастырских людей подводы, когда «митрополит поедет мимо монастыря» [Варонін, приложение № 2, с. 53].

В XV в. практика вывода монастырей и церквей из подсудности духовным властям была широко распространена как на северо-востоке Руси, так и на территориях Великого княжества Литовского. Однако на северо-востоке это, как правило, не касалось дел духовных⁴⁰. У нас нет оснований утверждать, что грамота Лугвения Ольгердовича не содержала пожалования судебным иммунитетом и что он был предоставлен монастырю князем Юрием Лугвеновичем. Таким образом, не зная времени появления в грамоте рассматриваемой клаузулы, невозможно говорить о ее связи (если таковая имелаась) с характером взаимоотношений между мстиславскими князьями и митрополитом в какой-то определенный период, а также установить, имели ли существовавшие противоречия идеологический или имущественный характер. Кроме того, датировка грамоты князя Юрия Семеновича также остается дискуссионной из-за разночтений в имеющихся списках документа.

В изданиях грамота датирована по-разному. В «Актах, относящихся к истории Западной России» — 1442/1443г., грамота (включенный акт) опубликована по списку из актовой книги Мстиславского уездного суда⁴¹ с датой 6951 г. индикта 6. В публикации

³⁹ В настоящее время неподалеку расположено село Селец. Кричев находится приблизительно в 20 км от монастыря.

⁴⁰ См., например: АСЭИ. М., 1958. Т. II. № 79. С. 49; № 98. С. 59. В судебном списке 1478/1479 г. по делу о подсудности Кирилло-Белозерского монастыря князю Михаилу Андреевичу сказано, что его отец судил игуменов «опроч духовных дел» (АСЭИ. Т. II. № 315. С. 280).

⁴¹ АЗР. Т. I. № 43. С. 57–58: «Выписана из подтвердительной грамоты польского короля Владислава IV, данной Пинскому и Туровскому епископу Рафаилу Корсаку в Вильне, 1633 г. июля 11, которая в официальной выписи из Литовской Метрики внесена в Актовые книги Мстиславского уездного суда». А. А. Мяцельский также датирует этот акт 1443 г. [Мяцельскі, 2010, с. 394].

В. А. Воронина – 1452/1453 [Варонін, приложение № 2, с. 53]⁴², по списку из книги пожалований польского короля Владислава IV⁴³ с датой 6961 г. индикта 1. Вторая датировка представляется нам предпочтительной, так как грамота выдана в Мстиславле, а в 1442/1443 г. князь Юрий находился в пределах Великого княжения Московского.

Следует обратить внимание на то, что в Мстиславле не было епископской кафедры, а пожалование упреждало появление таковой и заранее выводило архимандрита монастыря из подсудности епископу. Но если епископ, с точки зрения князя, мог хотя бы присутствовать на его суде по духовным делам над архимандритом, то митрополиту в этом было отказано⁴⁴. На основании имеющихся данных невозможно установить, кто из митрополитов в первой половине XV в. мог иметь намерение учредить новую епископскую кафедру в Мстиславле и одновременно вызвать у мстиславских князей настороженное отношение к этому, безусловно, значимому и желанному для любого княжества событию. Практика пожалований церквей и монастырей судебным иммунитетом была основана на праве «подаванья» и широко распространена в Великом княжестве Литовском в XV–XVI в.⁴⁵ Нельзя в данном случае исключить и новгородское влияние на формирование представлений мстиславских князей о сфере судебных полномочий митрополита и финансовой обременительности их реализации для духовенства. Как известно, в первой половине XV в. новгородцам удавалось отказывать митрополитам в суде. В 1483 г. сын князя Юрия Иван в новой жалованной грамоте Онуфриевскому монастырю оставил пункт о неподсудности архимандрита епископу и митрополиту в прежней формулировке⁴⁶.

Каковы бы ни были причины появления в грамоте 1452/1453 г. клаузулы о судебном иммунитете, на наш взгляд, они не связаны с характером взаимоотношений между митрополитом Ионой и князем Юрием Лугвеневицем. О доброжелательных отношениях между ними свидетельствует не только ранее упомянутое послание, но и пребывание в Кричеве в начале 50-х годов XV в. митрополичьего наместника.

К сожалению, мы не располагаем какими-либо данными о личности кричевского наместника старца Ионы. О его присутствии в Кричеве в 50-е годы XV в. известно из списков двух документов, помещенных в формулярнике митрополичьей кафедры ГИМ. Увар. собр. 512. Первый акт – верительная грамота митрополита Ионы его кричевскому наместнику старцу Ионе, направленному к польскому королю и великому князю литовскому Казимиру IV по церковным делам⁴⁷. При публикации в «Актах исторических» и РИБ этот документ поместили под одним порядковым номером с двумя другими документами – формулярным изводом верительной грамоты митрополита Ионы его кричевскому наместнику старцу Ионе, направленному также по

⁴² В. А. Воронин полагает, что ошибка в дате была сделана уже на раннем этапе бытования документа при копировании его непосредственно из Метрики [Варонін, с. 38, примеч. 7].

⁴³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 106. Л. 501–502.

⁴⁴ «Ино митрополиту того архимандрита Онофрейсаго не судить, а ни рядить» [Варонін, приложение № 2, с. 53].

⁴⁵ О судебном иммунитете для частновладельческих церквей и монастырей как следствии права «подаванья» см., например: [Беляев, 1870, с. 120–121; Дзянісава, с. 165–172]. Епископат Великого княжества Литовского, пытаясь отстоять свое каноническое право суда над духовенством епархии, апеллировал к светским властям. Например, в 1522 г. польский король Сигизмунд I подтвердил права туровского и пинского епископа Ионы в отношении духовенства его епархии на основании правой грамоты, ранее выданной его братом Александром Ягеллоном (1501–1506 г.) предшественнику Ионы епископу Вассиану, судившемуся с пинскими князьями Иваном Васильевичем и Федором Ивановичем Ярославичами. В правой грамоте сообщается, что князья строили церкви и монастыри, куда назначали священников, «выймучи их из послушества владычного» (см.: АЗР. Т. II. № 109. С. 134–135).

⁴⁶ АЗР. Т. I. № 82. С. 103. Грамота подтверждалась в 1534 г. (см.: Литовская Метрика (1533–1535). 8-я книга судных дел. Вильнюс, 1999. С. 150–152).

⁴⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). СПб., 1841. Т. I. № 260.2. С. 489; РИБ. Т. VI. № 68.1. Стб. 565–567; [Абеленцева, Приложение, № 21, с. 363].

церковным делам к пану Михаилу Кезгайловичу⁴⁸, и посольскими речами от митрополита Ионы великому князю литовскому Казимиру, в которых содержится просьба отдать под управление митрополита Ионы епископии Галицкой митрополии⁴⁹. В силу специфики формуляров этих документов в посольских речах не названо имя наместника, а в верительных грамотах не указана цель посольства, которую наместник должен был изложить устно. Нет достаточных оснований для того, чтобы связать создание всех трех документов с важнейшей миссией, итогом которой должно было стать присоединение к митрополии Киевской и всея Руси территории Галицкой митрополии, утраченной в силу политических обстоятельств. Но даже если предположить, что посольские речи были без достаточных оснований присоединены публикаторами к верительным грамотам и целью миссии кричевского наместника Ионы было какое-то другое дело, то все же следует признать, что кричевский наместник был личностью, статус и дипломатические способности которого позволяли направлять его к первым лицам Великого княжества Литовского.

Канцлер Великого княжества Литовского пан Михаил Кезгайлович происходил из старолитовского боярского рода [Semkowicz, s. 7–16; Spieralski, s. 444], принявшего католичество в последней четверти XIV в. [Насевич, с. 80–81]. Его отец Кезгайло-Михаил Волемонтович в первой половине XV в. занимал в Великом княжестве Литовском посты вилкомирского⁵⁰ и жмудского⁵¹ старосты и виленского каштеляна [Wolff, s. 77, 91, 254, prz. 1]. Четверо из братьев Кезгайло-Михаила и трое из его сыновей также сумели занять высокие посты старост, каштелянов и наместников [Semkowicz, s. 14; Pietkiewicz, 1995, s. 82]. На братьев Михаила и Яна Кезгайловичей [Spieralski, s. 444] литовская знать во главе с Иоанном Гаштольдом возложила ответственное и отчасти рискованное поручение. После убийства великого князя Сигизмунда Кейстutowича в 1440 г. они должны были привезти в Великое княжество Литовское из Польши нового кандидата на великое княжение — юного Казимира Ягеллончика⁵². Сложность миссии состояла в том, что великое княжение Литовское, согласно Гродненской унии 1432 г., должно было перейти к королю Владиславу Ягеллончику [Kutrzeba, Semkowicz, s. 77–81, № 55]. Братья Кезгайловичи успешно справились с поручением, пообещав высокопоставленным польским сановникам, что Казимир будет в Литве всего лишь наместником его брата короля Владислава [Pietkiewicz, 1982, s. 28–29], а самого Казимира склонили к поездке рассказами о богатых охотничьих угодьях⁵³.

Судя по успешной карьере, сделанной Михаилом Кезгайловичем при молодом великом князе, а затем и короле польском Казимире, последний по достоинству оценил оказанную ему братьями Кезгайловичами услугу. Предположительно в 1444 г. [Насевич, с. 80]⁵⁴ или в 1446 г.

⁴⁸ АИ. Т. I. № 260.3. С. 490; РИБ. Т. VI. № 68.2. Стб. 567–568; [Абеленцева, Приложение, № 22, с. 364].

⁴⁹ АИ. Т. I. № 260.1. С. 489; РИБ. Т. VI. № 68.3. Стб. 568–570; [Абеленцева, Приложение, № 20, с. 362–363].

⁵⁰ Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae. 1376–1430. Cracoviae, 1882. P. 208. № 441.

⁵¹ Skarbiec diplomatów papieżskich, cesarskich, krolewskich, książęcych, posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej / Zebrał i w treści opisał I. Daniłowicz. Wilno, 1862. T. II. S. 9. № 985.

⁵² ПСРЛ. Т. XXXII. С. 156–157; ПСРЛ. СПб., 1907. Т. XVII. Стб. 535–536.

⁵³ ПСРЛ. Т. XXXII. С. 157; Хроника Быховца. М., 1966. С. 91–92.

⁵⁴ В акте 1444 г. упомянут «Michaelo cancellario» (см.: Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskiej. Kraków, 1932. Т. I. (1387–1507). S. 203). По мнению К. Петкевича, более вероятно, что это упоминание относится к отцу Михаила — тоже Михаилу-Кезгайлу [Pietkiewicz, 1982, s. 29, prz. 127], однако позднее исследователь не исключал, что в данном случае речь идет о Михаиле Кезгайловиче [Pietkiewicz, 1995, s. 15].

[Wolff, s. 160; Spieralski, s. 446]⁵⁵ Михаил вступил в должность канцлера Великого княжества Литовского. В 1447 г. он упомянут в этом качестве в привилее короля Казимира IV Великому княжеству Литовскому⁵⁶. С 1451 г. канцлер Михаил Кезгайлович назначается еще и наместником Смоленским [Wolff, s. 50]⁵⁷. Его подпись стоит вместе с подписями других членов литовского сейма на грамоте короля Казимира о передаче митрополиту Ионе прав на епархии, находящиеся на территории Литвы⁵⁸. Принято считать, что Михаил Кезгайлович принадлежал к числу литовцев-католиков при дворе короля Казимира, которые были противниками Флорентийской унии, так как не желали уравнивания в правах с православной знатью [Spieralski, s. 446; Pietkiewicz, 1982, s. 29].

Благодаря своему высокому положению, Михаил Кезгайлович, несомненно, мог ходатайствовать перед королем Казимиром IV о передаче митрополиту Ионе епископий бывшей Галицкой митрополии, но давнее соперничество сопредельных держав за эти территории не располагало к принятию положительного решения. С середины XIV в. права на Галицию заявляла Венгрия [Грушевский, 1905, с. 130]. В 1387 г. эти территории были захвачены Польшей и в дальнейшем фактически находились под ее контролем, при этом Польша юридически признавала права Венгрии на Галицию. Однако из-за того, что в династических и политических отношениях между этими государствами в XIV—XV в. было слишком много как противоречий, так и взаимных обязательств, решение затянувшегося спора периодически откладывалось на неопределенное время и так и не получило в интересующий нас период юридического оформления [Грушевский, 1907, с. 101—125]. Интерес к этим землям проявляло и Великое княжество Литовское. В 1387 г. литовцы помогали полякам закрепиться в Галиции [Гудавичюс, с. 174]. Но экспансия Великого княжества Литовского в этом регионе была направлена в основном на другую спорную территорию — Подолию, которую великий князь литовский Витовт получил в 1411 г. в пожизненное владение в качестве «наследства» Свидригайло [Kolankowski, s. 109—110; Греков, с. 278—279]⁵⁹. В 1429 г. Витовт в послании к прелатам и баронам королевства Польского отрицал слухи о его намерениях завладеть русскими землями, то есть Галицией⁶⁰. Если даже такой влиятельный политик, как Витовт, не видел для себя возможности претендовать на галицкие земли, то для его ближайших преемников на великом княжении Литовском — Сигизмунда и Казимира IV — это было тем более невозможно. Начиная с последней четверти XIV в. земли Галицкого

⁵⁵ Исследователям не удалось прийти к единому мнению о времени вступления Михаила Кезгайловича в должность канцлера. Они пытались обосновать свои аргументы в пользу той или иной даты, опираясь на записи о разного рода пожалованиях времени Казимира Ягеллончика из 3-й Книги записей Литовской Метрики (см.: Литовская Метрика. Книга записей 3. С. 19—58). Записи озаглавлены «Во Имя Боже. То сут книги, кому корол именья роздал». Точно датировать эти записи в некоторых случаях невозможно. В них отсутствуют годовые даты, иногда указаны индикты. Кроме того, при копировании в книгу был нарушен хронологический порядок записей, так как, по мнению исследователей, объединенные в эту книгу реестры, относящиеся к разным территориям, ранее существовали как самостоятельные документы [Бережков, с. 72—73; Ясинскі, с. 200—204]. Таким образом, датировки основываются на сопоставлении индиктов с данными других источников, что тоже не всегда позволяет дать однозначный ответ о времени того или иного пожалования. Ср.: [Wolff, s. 254, prz. 1]; Документы Московского архива министерства юстиции. М., 1897. Т. I. Введение. С. VIII.

⁵⁶ Codex epistolaris saeculi decimi quinti. Krakowie, 1894. Т. III. S. 9—12. Nr. 7. Wilno, 2. maja 1447. Wielki przywilej Kazimiera Jagiellończyka dla Litwy. Э. Сперальский полагал, что Михаил Кезгайлович участвовал в составлении привилея [Spieralski, s. 446].

⁵⁷ Не позднее 25 марта 1459 г. Михаил Кезгайлович был назначен виленским воеводой, объединив в своих руках две самые высокие должности в Великом княжестве Литовском (см.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1865. Т. II. 1599—1637. № 72.2. С. 107).

⁵⁸ РФА. С. 151—152. № 29.

⁵⁹ В 1412 г. был заключен договор между поляками и венгерским императором Сигизмундом, согласно которому подтверждались эти права Витовта (см.: Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae. P. 228—231. № 492).

⁶⁰ Codex epistolaris Vitoldi magni ducis Lithuaniae. P. 838. Галицкое княжество традиционно именовалось Русским в титулах венгерских и польских королей и актах.

княжества подверглись полонизации в области управления⁶¹ и в религиозной сфере. После того как Казимир IV взшел на польский престол, у него не было никаких оснований отказываться от проводимой ранее польскими королями политики и способствовать усилению позиций православной церкви в этом регионе. Таким образом, предполагаемая миссия кривического наместника к королю Казимиру имела очень незначительные шансы на успех.

На основании всего изложенного можно сделать вывод, что возникновение кривического наместничества митрополитов Киевских и всея Руси явилось следствием доверительных взаимоотношений мстиславского князя Юрия Лугвеневи́ча и митрополита Ионы, который воспользовался ранее предоставленными митрополичьей кафедре пожалованиями, чтобы иметь в Великом княжестве Литовском еще одного своего представителя в статусе наместника.

Литература

- Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. М.; СПб., 2009.
- Алексеев Л. В. Периферийные центры домонгольской Смоленщины // Советская археология. 1979. № 4. С. 95–111.
- Алексеев Л. В. Смоленская земля в XI–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.
- Алексеев Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. М., 2006. Кн. 1.
- Без-Корнилович М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии. СПб., 1855.
- Беляев И. Д. О географических сведениях в Древней Руси // Записки Императорского русского географического общества. СПб., 1852. Кн. 6. С. 1–264.
- Беляев И. Полоцкая православная церковь до Брестской унии // Православное обозрение. 1870. № 1. С. 103–128.
- Бережков Н. Г. Литовская Метрика как исторический источник. Часть первая. О первоначальном составе книг Литовской Метрики по 1522 год. М.; Л., 1946.
- Варонін В. А. Князь Юрай Лынгвеневіч Мсціслаэскі. Гістарычны партрэт. Мінск, 2010.
- Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.
- Грабовецький В. Нарис з історії Галича. З найдавніших часів до початку XX ст. Галич, 1997.
- Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.
- Грушевський М. Історія України-Руси. Київ; Львів, 1905. Т. III.
- Грушевський М. Історія України-Руси. Київ; Львів, 1907. Т. IV.
- Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 г. М., 2005.
- Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.): Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993.
- Дзянісава А. Р. Права патранату ў прававым становішчы праваслаўнай царквы беларускіх зямель ў канцы XV–XVI ст. // Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2008. Вып. 1. С. 163–172.
- Довнар-Запольский М. В. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891.
- Дробленкова Н. Ф. Симеон Суздальский // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 334–335.
- Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1897. Ч. 3.
- Казакова Н. А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. XXV. С. 60–72.
- Леонтович Ф. И. Очерки истории литовско-русского права // ЖМНП. СПб., 1893. Ч. 288. С. 69–368.
- Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1892.

⁶¹ Львову и Галичу было даровано ограниченное магдебургское право. Во время визита короля Казимира в Галич в 1448 г. у городских ворот его встречали бургомистр и члены городской рады, а затем последовал торжественный прием в замке у старосты и его администрации [Грабовецький, с. 123].

- Мяцельскі А. А. Старадаўні Крычаў. Гістарычна-археалагічны нарыс горада ад старажытных. Мінск, 2003.
- Мяцельскі А. А. Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII—XVIII стст. Мінск, 2010.
- Насевіч В. Кезгайлы // Велікае Княства Літоўскае. Энциклапедыя. Мінск, 1994. Т. II. С. 80—81.
- Новикова О. Л. Формирование и рукописная традиция «Флорентийского цикла» во второй половине XV — первой половине XVII в. Приложение 2. [Повесть Симеона Суздальца] Исидоров собор и хождение его // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2010. Вып. 14. С. 3—208.
- Полехов С. В. Несколько замечаний к биографии князя Юрия Лугвеневича Мстиславского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44). С. 105—112.
- Седов В. В. Смоленская земля // Древнерусские княжества в X—XIII вв. М., 1975. С. 240—259.
- Цапов Я. Н. Государство и Церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989.
- Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977.
- Ясініскі А. Н. Спроба крытычнага вывучэння Кнігі данін вялікага князя Казіміра // Гісторыка-археалагічны зборнік. Менск, 1926. Т. II. С. 155—205.
- Górski K. Młodość Kazimierza i rządy na Litwie (1440–1454) // Biskup M., Górski K. Kazimierz Jagiellończyk. Zbiór studiów o Polsce drugiej połowy XV wieku. Warszawa, 1987. S. 9—17.
- Halecki O. Dzieje unii Jagiellońskiej. Kraków, 1919. T. I.
- Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. Warszawa, 1930. T. I. 1377—1499.
- Krupska A. Udzielnie księstwo Mścisławskie pod rządami Litwy // Prace naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach. Katowice, 1971. № 18 (2). S. 35—55.
- Kutrzeba S., Semkowicz W. Akta Unji Polski z Litwą. 1385—1791. Kraków, 1932.
- Pietkiewicz K. Kieżgajlowie i ich latyfundium do połowy XVI wieku. Ze studiów nad rozwojem własności ziemskiej w Wielkim Księstwie Litewskim w Średniowieczu. Poznań, 1982.
- Pietkiewicz K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku. Poznań, 1995.
- Poppe A. Fundacja biskupstwa smoleńskiego // Przegląd historyczny. 1966. T. LVII. S. 538—557.
- Poppe A., Poppe D. Dziedzice na Rusi // Kwartalnik historyczny. 1967. № 1. S. 3—19.
- Semkowicz W. O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle r. 1413 // Miesięcznik Heraldyczny. R. 7. 1914. № 1—2. S. 7—16.
- Spierski Z. Kieżgajło Jan; Kieżgajło Michał // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1966—1967. T. XII. S. 444—446.
- Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1386—1795. Kraków, 1885.